

Дискурс о единой Европе и проблема нормализации истории Германии

Снигирев Богдан Алексеевич, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация
студент 2-го курса бакалавриата, факультет мировой политики
E-mail: snigirevb6@gmail.com

Научный руководитель:

Кусакин Даниил Всеволодович, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация
E-mail: dk@fmp.msu.ru

Аннотация

Введение: работа посвящена критическому анализу дискурса о единой Европе и роли нормализации истории Германии как частного обоснования его претворения в жизнь. Отмечается, что начало третьего десятилетия XXI века ознаменовалось кризисом европейской идентичности, вынудившим политиков вновь поднимать тезисы о единстве Европы. В связи с этим формируется исследовательский вопрос: можно ли говорить о реальном единстве Европы, каким его представляют европейские политики в своих публичных выступлениях?

Методы и материалы: с помощью историко-дискурсивного подхода автор предпринимает попытку рассмотрения решения германского вопроса, поскольку пример Германии является наиболее репрезентативным ввиду того, что она — один из наиболее значимых участников европейских интеграционных объединений.

Результаты исследования: выявлена следующая характеристика декларируемого дискурса о европейском единстве: нормализация немецкой истории в дискурсе о единстве Европы маскирует «особый путь» Германии, репрезентируя его как типичный кейс развития.

Вывод: нормализация истории Германии в рамках дискурса о европейском единстве представляет собой не более чем политический памфлет, необходимый для связки европейских государств на основе мифа об исторической общности их наций. При этом особо подчеркивается, что дальнейшие работы по деконструкции мифа о европейском единстве представляются весьма перспективными для разграничения сфер исторической науки и политической активности.

Ключевые слова: европейское единство, Европейский союз, германский вопрос, дискурс, Пан-Европа, нормализация истории, идентичность, «коллективный Запад».

Для цитирования: *Снигирев Б. А.* Дискурс о единой Европе и проблема нормализации истории Германии // Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.Экс.Т). – 2026. – Т. 12, № 1 (33). – С. 75–86.

The Discourse on a United Europe and the Problem of Normalizing German History

Bogdan A. Snigirev, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
BA student, School of World Politics
E-mail: snigirevb6@gmail.com

Academic Supervisor:**Daniil V. Kusakin**, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

E-mail: dk@fmp.msu.ru

Abstract

Introduction: The paper deals with the critical analysis of the discourse on a united Europe and the role of the normalization of German history as a particular justification for its implementation. It is noted that the beginning of the third decade of the 21st century was marked by the crisis of European identity, which forced politicians to once again address the theses about the unity of Europe. In this regard, the research question is being formed: is it possible to talk about the real unity of Europe, as it is represented by European politicians in their public speeches?

Materials and Methods: Using a historical and discursive approach, the author attempts to consider the solution of the German question, since the example of Germany is the most representative due to the fact that it is one of the most significant participants in European integration associations.

Research Results and Discussion: As a result of the conducted research, the following characteristic of the declared discourse on European unity is revealed: the normalization of German history in the discourse on European unity masks Germany's "special path", representing it as a typical development case.

Conclusions: It is concluded that the normalization of German history within the framework of the discourse on European unity is nothing more than a political pamphlet necessary to link the European states based on the myth of the historical community of their nations. At the same time, it is emphasized that further work on deconstructing the myth of European unity seems very promising for distinguishing the spheres of historical science and political activity.

Keywords: European unity, European Union, German question, discourse, Pan-Europe, normalization of history, identity, "collective West".

For citation: Snigirev, B. A. (2026) The Discourse on a United Europe and the Problem of Normalizing German History. *Novelty. Experiment. Traditions (N.Ex.T)*. Vol. 12, No. 1 (33). Pp. 75–86.

ВВЕДЕНИЕ

В работах отечественных политологов и экспертов в области международных отношений европейским исследованиям всегда уделялось особое место, что обуславливается географическим местоположением и историческими связями России и Европы, а также продолжительной дискуссией в академической и профанной среде о том, является ли первая частью последней. Однако дискуссии о Европе как едином субъекте политологического анализа не новы: советский и российский историк А. О. Чубарьян в своих работах неоднократно поднимал вопрос единства Европы¹. По мнению А. О. Чубарьяна, Европа — пространство с общей историей, географией, конкретной политикой и культурой². Но российским историком было также отмечено и то, что реальное объединение Европы началось только после окончания Второй мировой войны³. О Европейском союзе (ЕС) как

¹ Чубарьян А. О. Европейская идея в истории. Проблема войны и мира. М.: Международные отношения, 1987. 352 с.

² Чубарьян А. О. Российский европеизм. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2006. 416 с.

³ Чубарьян А. О. Европа единая, но делимая. [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 2003. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/evropa-edinaya-no-delimaya/> (дата обращения: 01.02.2026).

о политическом мифе, сконструированном для достижения конкретных целей, также были написаны некоторые работы⁴. Особенно следует выделить российского специалиста в области международных отношений Т. В. Бордачева, который неоднократно в своих публикациях писал об иллюзорности «коллективного Запада», а также различных мифах, связанных с былой «невозможностью судить о Европе объективно»⁵. В своих работах политолог акцентировал внимание на кризисе способности вырабатывать общие решения применительно к новым вызовам⁶. Тем не менее в отечественных исследованиях недостаточно внимания уделено историческим основаниям дискурса о европейском единстве и их приложению к современной политике европейских стран.

С начала 2020-х годов всё чаще в публичных заявлениях ведущих европейских политиков появлялись призывы к сохранению и углублению европейского единства. Так, в 2021 году президент Франции Эмманюэль Макрон призвал страны Европы к единству: «Франция не будет сильной в одиночку. Вызовы, которые появляются на фоне столкновений мировых держав, показывают, что лишь единство Европы, солидарность могут гарантировать оказание поддержки каждой европейской стране и обеспечить силу удара», — заявил политик⁷. В своей речи *Zeitenwende* («Смена эпох») 27 февраля 2022 года канцлер Германии Олаф Шольц заявил: «Вызов заключается в том, чтобы укрепить суверенитет Европейского союза (ЕС) на долгосрочную перспективу... Для Германии и всех остальных государств-членов ЕС это означает не просто задавать вопрос о том, чего можно добиться от Брюсселя для своей страны. Вопрос должен быть о том, что будет лучшим решением для нашего Союза»⁸.

В январе 2025 года на фоне прихода к власти в Соединенных Штатах Америки (США) Дональда Трампа Фридрих Мерц, на тот момент еще кандидат в канцлеры Германии, заявил о том, что европейским элитам необходимо сплотиться перед лицом пришедшего к власти в США Дональда Трампа⁹. 3 октября 2025 года уже ставший канцлером Германии Фридрих Мерц в своей речи, посвященной 35-летию объединения Германии, заявил о том, что процветание Европы неразрывно связано с процветанием Германии: «Мы сильны только вместе в Европе. Или слабы как отдельные государства. В Германии мы знаем, что, когда дела в Европе идут хорошо, дела в Германии тоже идут хорошо. И когда дела в Европе идут неважно, дела в Германии идут пропорционально плохо»¹⁰. Страны Европы в 2020-е годы определенно столкнулись с трудностями, в числе которых можно указать брекзит, пандемию Covid-19, проблему миграции, специальную военную операцию и приход к власти в Соединенных Штатах Америки Дональда Трампа.

Проблема концептуального осмысления европейского единства не стала новой для экспертного и академического сообщества, поскольку каждый кризис европейской

⁴ Хауер-Тюкаркина О. М. Европейский союз как политический миф // Русская политология. 2016. № 1. С. 124–136.

⁵ Бордачев Т. В. Европа и ее мифы. [Электронный ресурс] // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 2022. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/evropa-i-eye-mify/> (дата обращения: 01.02.2026).

⁶ Бордачев Т. В. Коллективный Запад — это иллюзия. [Электронный ресурс] // РСМД: Российский совет по международным делам. 2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/kollektivnyy-zapad-eto-illyuziya/> (дата обращения: 01.02.2026).

⁷ Adresse aux Français. [Электронный ресурс]. Paris: Palais de l'Élysée, 2021. — Режим доступа: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2021/07/12/adresse-aux-francais-12-juillet-2021> (дата обращения: 01.02.2026).

⁸ Regierungserklärung von Bundeskanzler Olaf Scholz am 27 Februar 2022. [Электронный ресурс]. Berlin: Bundesregierung, 2022. — Режим доступа: <https://www.bundesregierung.de/resource/blob/975954/2008580/b7348ec7b88380164f7873453c7b6758/25-2-bk-reg-erkl--data.pdf?download=1> (дата обращения: 01.02.2026).

⁹ Vorsitzende von CDU und SPD mahnen europäischen Zusammenhalt an. [Электронный ресурс] // Deutschlandfunk. 2025. URL: <https://www.deutschlandfunk.de/vorsitzende-von-cdu-und-spd-mahnen-europaeischen-zusammenhalt-an-100.html> (дата обращения: 01.02.2026).

¹⁰ Wiedervereinigung: Merz ruft zu neuer Einheit für Deutschland auf. [Электронный ресурс] // Tagesschau.de. 2025. URL: <https://www.tagesschau.de/inland/innenpolitik/deutsche-einheit-merz-100.html> (дата обращения: 01.02.2026).

интеграции подвергал сомнению надежность этого проекта. Консенсус среди специалистов заключается на данный момент в том, что Европейский союз является самым успешным интеграционным объединением за всю историю Европы, да и не только Европы. Однако кризисные явления, участившиеся за последние годы, поднимают вопрос долговечности этого объединения и перспектив его существования. Основу актуальности осмысления теоретических и практических проблем заложил провал проектов перехода от Европейского союза к Соединенным Штатам Европы в конце 1990-х – начале 2000-х. Отсутствие консенсуса среди европейских стран по вопросу наделения Европейского союза статусом политического союза, вырабатывающего единую внутреннюю и внешнюю политику, поставило в тупик развитие идей отцов-основателей концепции европейской интеграции: Р. Шумана и Ж. Монне.

Статьи зарубежных авторов, посвященные кризису европейской интеграции, пытаются ответить на актуальный вопрос: что следует предпринять Европейскому союзу в условиях современного кризиса европейского единства? Некоторые авторы считают, что Европейский союз должен принимать новых членов в свои ряды в ответ на «внешнюю угрозу»; преобладание сторонников суверенитета мешает федерализации Европейского союза, а его институты не слишком эффективны в реагировании на кризисы, связанные с вопросами идентичности и ценностей¹¹. Другие исследователи настроены более оптимистично и считают, что у Европейского союза есть все возможности справиться с кризисом интеграции через «стратегические реформы, расширение сотрудничества в сфере обороны и обновленной приверженности своим основополагающим принципам»¹².

Не лишним будет отметить, что с кризисом столкнулся не только проект европейской интеграции, но и национальные правительства. Федеративная Республика Германия, будучи одной из ведущих стран в области политического влияния в Европейском союзе, первой экономикой ЕС и обладателем центрального географического положения, достаточно важного для стратегических устремлений «единой» Европы, переживает провалы в осуществлении фискально-бюджетной, экономической, энергетической и социальной политики и тем самым является дестабилизирующим фактором европейского центра¹³.

Кризис проекта европейской интеграции и идентичности требует не только концептуального осмысления и поиска решений, но и, как представляется, пересмотра исторических оснований единства Европы, какими они демонстрируются общественному мнению европейскими политиками. Мы предлагаем обратиться к истории германского вопроса, воспользовавшись историко-дискурсивным методом анализа, чтобы ответить на поставленный вопрос: есть ли объективные исторические основания у дискурса о европейском единстве?

Обозначая в названии настоящей статьи проблему нормализации истории Германии, автор исходит из определения, основанного на работах отечественного историка А. И. Миллера, в частности, «Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования» и М. Тодоровой “Does Russian Orientalism Have a Russian Soul? A Contribution to the Debate between Nathaniel Knight and Adeeb Khalid” и предлагает понимать нормализацию истории следующим образом: нормализация истории — это конструирование образа уникальной национальной истории как типичного феномена, характерного для той или иной общности историй¹⁴. Причем с прикладной точки зрения

¹¹ Marcellino, C., Hooghe, M., & De Sio, L. (2026). The Role of EU Policies in Shaping EU Support: A Cross-Sectional and Longitudinal Analysis of Policy Congruence and Public Attitudes in the European Union.

¹² Ristevska, T. T. (2024) European Unity and security: from post-war integration to modern challenges in defense and governance // *Journal of Law and Politics*. Vol. 5, No. 2. Pp. 97–113.

¹³ Рейснер У. Если Германия станет нестабильной, Европа тоже рухнет. [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 2025. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/germaniya-nestabilna-rejsner/> (дата обращения: 02.02.2026).

¹⁴ Todorova, M. (2000) Does Russian Orientalism Have a Russian Soul? A Contribution to the Debate between Nathaniel Knight and Adeeb Khalid // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 1, No. 4. Pp. 717–727.

общим способом конструирования такого образа является ставка на общие черты и намеренное ретуширование специфических аспектов¹⁵. В данном случае автор предпринимает попытку рассмотрения конструирования образа об истории Германии как типичной для общности европейских государств.

РЕШЕНИЕ ГЕРМАНСКОГО ВОПРОСА: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

На протяжении последних трех столетий вопрос единства Европы напрямую зависел от включения тех или иных стран в европейское политическое пространство. Особенно активно обсуждалось членство в едином европейском проекте России, Великобритании и Германии¹⁶. В XIX веке Россия и Великобритания не воспринимались странами Западной Европы как члены единой Европы в связи с их статусом периферийных империй, которые предотвращали появление или же действия любого актора, стремящегося объединить Европу в единый политический проект (наиболее ярким примером служат наполеоновские войны). Эти действия были связаны прежде всего с тем, что Британская и Российская империи проводили свою политику в национальных, а не общеевропейских интересах. Наличие «жандарма Европы» (России) и «маятника Европы» (Великобритании) не устраивало континентальные европейские державы, Германию и Францию, которые сами стремились к региональной гегемонии. Однако для создания единого европейского политического пространства необходимо было решить вопрос, ключевой для идеи единой Европы, — германский.

Как правило, решение германского вопроса зависело от восприятия немецким обществом самого себя. Если немцы видели себя как особую «цивилизацию», уходящую корнями в арийское или мифологическое прошлое нации, то Европа неизбежно делилась на две части — Центральную и Западную¹⁷. Поэтому невозможно даже представить себе что-либо похожее на единую Европу без нормализации истории Германии, вынужденного ее отказа от принадлежности к мифическим воображаемым сообществам, поскольку территориальное расположение и ключевая роль Германии в истории межгосударственных отношений на континенте (начиная со вступления в должность министра иностранных дел Отто фон Бисмарка, т. е. с 1862 года) превращают ее в особого члена европейского политического пространства¹⁸.

Создание единой Германии в 1871 году послужило началом нового этапа в развитии межгосударственных отношений в Европе. До этого момента Германия долгое время представляла из себя лишь арену для битв региональных держав — Франции и Австрии. Но с приходом к власти О. Бисмарка германский проект, во главе которого встала Пруссия, начал претендовать на первенство в определении европейской политики¹⁹. Европа, переплетенная системой союзов Бисмарка, после его ухода была скована устоявшимся в конце XIX – начале XX века блоковым размежеванием, которое послужило основой для последующего обострения международных отношений, которое, в свою очередь, привело к Первой мировой войне.

¹⁵ Миллер А. И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии ист. исслед. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 240 с.

¹⁶ Миллер А. И. Российская империя в сравнительной перспективе. Сборник статей. М.: Новое издательство, 2004. 384 с.

¹⁷ Фененко А. В. Забытый опыт «Пан-Европы». [Электронный ресурс] // РСМД: Российский совет по международным делам. 2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/zabytyy-opyt-pan-evropy/> (дата обращения: 09.02.2026).

¹⁸ Anderson, B. (1983) *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London: Verso.

¹⁹ Фурцев Р. В. Империя и территориальные государства Германии раннего Нового времени в контексте формирования европейской системы государства // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2016. № 1 (21). С. 78–89.

С уходом «железного канцлера», заложившего основу нового устройства европейской политики, германская внешняя политика перестала быть обоснованной политическими соображениями рационального характера. Вместо сопоставления реальной расстановки сил Вильгельм II, пришедший к власти в 1888 году, скрыл безосновательность своей внешней политики за тем, что называл *Weltpolitik*, «глобальной политикой»²⁰. За этим термином скрывалась интеллектуальная нищета теоретических оснований управления дипломатическими сношениями. Уинстон Черчилль отзывался о Вильгельме II следующим образом: «Всё сводилось к тому, чтобы расхаживать с важным видом, вставать в позу и бряцать не вынутым из ножен мечом. Всё, чего ему хотелось, — это ощущать себя подобием Наполеона и походить на него, но — без участия в его битвах. Само собой разумеется, на меньшее он был не согласен...»²¹. Гонка вооружений, рост милитаристских и националистических настроений по всей Европе, создание массовых армий и генеральных штабов как постоянно действующих институтов, стремление к гегемонии без учета соотношения сил, полный разлад системы союзов Бисмарка, обрыв всех дипломатических сношений с Великобританией — вот те аспекты, которые характеризовали внешнюю политику Вильгельма II. Такая внешняя политика не могла не привести к большой войне.

Но после всех провалов внешней политики, четырехлетней тяжелой войны, унижительных для Германии условий Версальского мирного договора и тяжелых времен восстановления экономики, всего через 10–12 лет Германия встала в один ряд с державами-победителями²². С одной стороны, можно констатировать положительную черту этого решения германского вопроса: Германия была встроена в новый мировой порядок — Версальско-Вашингтонский. Но, с другой стороны, главным ревизионистом этого порядка и стала Германия. Встав в один ряд с великими державами, Германия не только не прекратила свои ревизионистские устремления, но и мобилизовала их потенциал. Веймарская республика, созданная в результате Ноябрьской революции 1918 г., успешно справилась с нормализацией политики Германии и включением ее в общеевропейское пространство через превращение в республиканское федеративное государство. Казалось, что наступило самое подходящее время для появления единой Европы — реализации популярной на тот момент в кругах австрийских и французских интеллектуалов идеи. Но реваншистские устремления по ликвидации унижительных условий Версальского мирного договора в итоге привели к точке невозврата — приходу к власти в 1933 году А. Гитлера.

С идеей Пан-Европы нацисты сделали ровно то, что проделали со всеми популярными европейскими идеями²³. Исказив изначальное содержание, национал-социализм превратил идею единой Европы — конфедерации государств, создаваемой ради общих целей, — в идею барьера, состоящего из антикоммунистических государств, которые уберегут Европу от большевизма — угрозы, которую всерьез восприняли В. Вильсон, В. Орландо и, в особенности, Ж. Клемансо и Д. Ллойд Джордж еще во время Парижской мирной конференции. Таким образом, А. Гитлер встал во главу этого антикоммунистического оплота, поставив крест на идее единой Европы (той, какой она существовала в умах австрийских и французских интеллектуалов) вплоть до 1945 года²⁴.

К концу Второй мировой войны европейские политики (прежде всего в Британии и Франции) столкнулись с необходимостью решения вопроса о месте послевоенной

²⁰ Kissinger, H. (1994) *Diplomacy*. New York: Simon & Schuster.

²¹ Churchill, W. S. (1973) *Great Contemporaries*. Chicago; London: University of Chicago Press.

²² Космач В. А. «Унижение в Версале»: итоги Первой мировой войны для Германии // Псковский военно-исторический вестник. 2015. № 1. С. 155–167.

²³ Артамошин С. В. Идеи истоки национал-социализма. Брянск: издательство БГУ, 2002. 184 с.

²⁴ Сиполс В. Я. Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. М.: Международные отношения, 1979. 320 с.

Германии в Европе. Разделив Германию на два государства — Федеративную Республику Германия (ФРГ) и Германскую Демократическую Республику (ГДР) и распространив на них (после вступления в НАТО ФРГ в 1955 году и создания ОВД в том же году, куда вошла ГДР) блокочный статус, Великобритания, Франция и США внедрили ФРГ в состав «единой» Европы, а ГДР оставили за границами своих интересов — в зоне влияния СССР, решив вопрос включения Германии в единое европейское пространство²⁵. Немаловажно отметить, что Североатлантический альянс создавался с целью недопущения ремилитаризации Германии, о чем недвусмысленно заявлял лорд Исмей, первый генеральный секретарь НАТО, в своей известной формуле “to keep the Russians out, the Americans in, and the Germans down”²⁶. В свою очередь, институты европейской интеграции служили отчасти для примирения послевоенных Франции и Германии, что подтверждается декларацией Шумана, которая вышла в свет 9 мая 1950 года: «Действие Франции направлено прежде всего к достижению мира. Чтобы мир мог быть обеспечен, необходимо, чтобы существовала Европа. Спустя пять лет, день в день, после безоговорочной капитуляции Германии, Франция делает первый решительный шаг к созиданию Европы — и приобщает Германию к этому созиданию»²⁷. Неслучайно ФРГ станет одной из стран-основательниц всех интеграционных европейских объединений, соглашения о которых в итоге приведут к Маастрихтскому договору 1992 года, т. е. основанию Европейского союза.

МИФ О ЕВРОПЕЙСКОМ ЕДИНСТВЕ И НОРМАЛИЗАЦИЯ ИСТОРИИ ГЕРМАНИИ

Как после Первой мировой войны, так и после Второй европейские политики решали германский вопрос через включение бывшего ревизиониста в общеевропейское пространство. Посредством этого удавалось не только внедрить Германию в «единую» Европу, но и нормализовать ее историю, говоря об «издержках» тоталитарного режима А. Гитлера и умалчивая об остальных особенностях истории Европы, которые не поддаются объяснению в такой парадигме восприятия. Европейские политики использовали (и продолжают использовать) миф о единстве Европы как панацею, которая доказывает необходимость их существования²⁸. Особенно показателен в этом отношении пример Уинстона Черчилля: произнесенная им речь в Цюрихском университете 19 сентября 1946 года стала отправной точкой в создании Совета Европы. Сам Черчилль обосновывает идею объединения Европы, обращая внимание как на географические предпосылки («...самые прекрасные и возделанные части земли... с ровным климатом...»), так и на культурно-идеологические («родиной всех великих народов западного мира... источник христианской веры и христианской морали. Здесь зародилась почти вся культура, искусство, философия и наука древних времен и современного мира»)²⁹.

Нормализация всей европейской истории, включая германскую, в данном случае выражается в рамках подчеркивания одних сюжетов и намеренного ретуширования других.

²⁵ Ахтамзян А. А. Объединение Германии и его международно-политические последствия // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2010. № 4. С. 3–26.

²⁶ *Ismay, H. L.* (1960) *The Memoirs of General the Lord Ismay*. London: Heinemann.

²⁷ Schuman Declaration May 1950. [Электронный ресурс] // European Union. URL: https://european-union.europa.eu/principles-countries-history/history-eu/1945-59/schuman-declaration-may-1950_en (дата обращения: 10.02.2026).

²⁸ Draghi wants real decision-making power for Europe, not a federal big bang. [Электронный ресурс] // Chatham House. 2026. URL: <https://www.chathamhouse.org/2026/02/draghi-wants-real-decision-making-power-europe-not-federal-big-bang> (дата обращения: 09.02.2026).

²⁹ Речь Уинстона Черчилля в Цюрихском университете. [Электронный ресурс] // Вестник Европы. 2009. URL: <https://magazines.gorky.media/vestnik/2009/26/rech-uinstona-cherchilya-v-czyurihskom-universitete.html> (дата обращения: 02.02.2026).

Черчилль ставит в один ряд два крупных события в европейской истории: «Мы все знаем о том, что обе мировые войны, через которые мы прошли, явились результатом тщетного, но страстного желания вновь объединенной Германии господствовать в мире. В этой последней схватке были совершены преступления и массовые убийства, которые могут сравниться лишь с нашествием монголов в четырнадцатом веке, и коим по своей жестокости нет равных в истории». Но между примерами Черчилля прошло 800 лет, и за это время на территории Европы случилось множество событий, в рамках которых Европа не была единой в смысле проведения общей политики, согласующейся с интересами всех государств (в этом случае из виду специально опускаются ситуации противодействия претенденту на гегемонию, каким была Франция в конце XVIII – начале XIX в., поскольку усилия, направленные на недопущение усиления другого государства, мало похожи на усилия по созданию общего политического пространства). Потому дискурс о единстве Европы, который озвучивается с упоминанием лишь двух мировых войн, произошедших совсем недавно, на наш взгляд, — не более чем попытка создания «оптической иллюзии» восприятия европейской истории, которая не знала мира (и тем более проведения общеевропейской политики в мирных целях) на своей территории хоть сколько-нибудь продолжительное время.

В послевоенные годы некоторые интеллектуалы раздумывали не только над вопросом восстановления экономики европейских государств, но и о новой трактовке истории Европы. В центре этого нового повествования была уже не извечная история строительства наций и империй, войн и господства, а история общей судьбы, основанной на общей европейской культуре³⁰. И этот нарратив впервые в европейской истории встретил реальный политический интерес. Робер Шуман, один из основателей Европейского объединения угля и стали, в 1963 году решительно заявил: «Прежде чем стать военным союзом или экономической единицей, Европа должна стать культурным сообществом в самом высоком смысле этого слова»³¹. Однако с самого начала поиски идентичности европейцев упирались в исторические особенности, которые было необходимо нормализовать — как иначе можно объявить единым сообществом, члены которого на протяжении тысячелетий воевали между собой³²? Проблема на уровне всей Европы была решена с помощью демонстрации необходимости решения реальных политических задач, которые были упомянуты нами ранее: восстановление послевоенных экономик государств и недопущение ремилитаризации Германии. Но никаких объективных исторических предпосылок, декларируемых европейскими политиками, по-видимому, не существовало, поэтому история Европы дискурсивно приводилась к одному возможному стандарту — истории европейского единства.

В случае с Германией некоторые немецкие историки сами подготовили почву для нормализации: в послевоенное время их усилия в основном были направлены на то, чтобы «релятивировать» историю Третьего рейха: поводом для споров историков в 1980-е годы в Германии стала попытка установить связь между русской революцией и политической геноцида в нацистской Германии и тем самым снять с немцев бремя ответственности за истребление миллионов людей. Особенно отметился на этом поприще немецкий историк Эрнст Нольте, считавший, что ученый в оценке событий гитлеризма должен отойти от одностороннего «осуждающего подхода» во имя «многостороннего понимающего»³³.

³⁰ Миллер А. История империй и политика памяти // Россия в глобальной политике. 2008. Т. 6, № 4. С. 118–134.

³¹ Шуман Р. За Европу = Pour L'Europe / [пер. с фр. В. Божовича]. М.: Московская школа политических исследований, 2002. 95 с.

³² Puntcher Riekman, S. (1997) The Myth of European Unity // Myths and Nationhood / G. Hosking, G. Schopflin, eds. London: Hurst & Company. Pp. 60–71.

³³ Nolte, E. (1987) Der europäische Bürgerkrieg 1917–1945. Nationalsozialismus und Bolschewismus. Frankfurt a. M.: Propyläen.

Помимо этого, программа нормализации, провозглашенная в 1983 году Гельмутом Ко-лем с целью совершить в немецком обществе «морально-нравственный поворот», намеренно проводилась с целью приобретения немцами «здоровой» национальной идентичности и освобождения от «бремени» неудобного прошлого³⁴.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Важно отметить: дилемма «уникальности» или «нормальности» истории Германии, как и любой страны, — дилемма чаще всего не историческая, а политическая³⁵. В этом смысле представляется весьма полезным анализ истории России и сравнение ее истории с особым немецким путем (*Sonderweg*) в работе Марии Тодоровой³⁶. Начиная с XIX века дискуссия об особом немецком пути шла параллельно с разговорами о внедрении Германии в единое европейское пространство. В настоящее время преобладают интерпретации истории Германии не как отклонения от магистральной линии европейской истории, а как одной из разновидностей этого пути; чаще указывают на черты, роднящие немецкую историю с общеевропейской, одним словом, немецкую историю приводят в соответствие с «нормой». С точки зрения методологии истории как науки не так уж важно, как рассматривать историю Германии — через призму уникализации или нормализации, поскольку нормальная историография — плюралистическая. Однако политически рациональные стремления европейских политиков достичь своей цели (какой бы она ни была) не стоит путать с реальной попыткой рассмотрения истории Германии и, шире, — Европы.

Деконструкция «единой» Европы с точки зрения исторической науки и исследований международных отношений представляется весьма перспективной темой для новых исследований. Нормализация истории Германии и ее релятивизация по отношению к истории остальных стран Европы, используемые европейскими политиками для оправдания своих идей и интересов, должны подвергнуться последовательной критике. И тогда история «единой» Европы на наших глазах превратится в историю государств, которые не обречены на передачу своих политических функций на наднациональный уровень, но способны проводить самостоятельную внешнюю политику, руководствуясь национальными интересами.

Список источников

1. *Артамошин С. В.* Идеиные истоки национал-социализма. Брянск: издательство БГУ, 2002. 184 с. EDN: VNYPCE
2. *Ахтамзян А. А.* Объединение Германии и его международно-политические последствия // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2010. № 4. С. 3–26. EDN: NBKEFL
3. *Грошева Г. В.* Немецкий дискурс о прошлом и проблема соотношения национальной и европейской идентичностей немцев (вторая половина XX – начало XXI в.) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2014. № 3 (5). С. 57–67. EDN: SMHPLV

³⁴ *Грошева Г. В.* Немецкий дискурс о прошлом и проблема соотношения национальной и европейской идентичностей немцев (вторая половина XX – начало XXI в.) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2014. № 3 (5). С. 57–67.

³⁵ *Миллер А. И.* Империя Романовых и национализм: эссе по методологии ист. исслед. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 240 с.

³⁶ *Todorova M.* (2000) Does Russian Orientalism Have a Russian Soul? A Contribution to the Debate between Nathaniel Knight and Adeeb Khalid // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 1, No. 4. Pp. 717–727.

4. *Космач В. А.* «Унижение в Версале»: итоги Первой мировой войны для Германии // Псковский военно-исторический вестник. 2015. № 1. С. 155–167. EDN: VDOZIX
5. *Миллер А. И.* Империя Романовых и национализм: эссе по методологии ист. исслед. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 240 с. EDN: QPCIZD
6. *Миллер А. И.* Российская империя в сравнительной перспективе. Сборник статей. М.: Новое издательство, 2004. 384 с. EDN: SUQVKJ
7. *Миллер А.* История империй и политика памяти // Россия в глобальной политике. 2008. Т. 6, № 4. С. 118–134. EDN: TWJYIH
8. *Сиполс В. Я.* Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. М.: Международные отношения, 1979. 320 с.
9. *Фурцев Р. В.* Империя и территориальные государства Германии раннего Нового времени в контексте формирования европейской системы государства // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2016. № 1 (21). С. 78–89. EDN: VQTYNL
10. *Хауер-Тюкаркина О. М.* Европейский союз как политический миф // Русская политология. 2016. № 1. С. 124–136. EDN: XYGYTN
11. *Чубарьян А. О.* Европейская идея в истории. Проблема войны и мира. М.: Международные отношения, 1987. 352 с. EDN: RKOWHT
12. *Чубарьян А. О.* Российский европеизм. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2006. 416 с. EDN: QBETDB
13. *Шуман Р.* За Европу = Pour L'Europe / [пер. с фр. В. Божовича]. М.: Московская школа политических исследований, 2002. 95 с.
14. Anderson, B. (1983) *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism.* London: Verso.
15. Churchill, W. S. (1973) *Great Contemporaries.* Chicago; London: University of Chicago Press.
16. Kissinger, H. (1994) *Diplomacy.* New York: Simon & Schuster.
17. Marcellino, C., Hooghe, M., & De Sio, L. (2026). The Role of EU Policies in Shaping EU Support: A Cross-Sectional and Longitudinal Analysis of Policy Congruence and Public Attitudes in the European Union.
18. Nolte, E. (1987) *Der europäische Bürgerkrieg 1917–1945. Nationalsozialismus und Bolschewismus.* Frankfurt a. M.: Propyläen.
19. Puntcher Riekman, S. (1997) The Myth of European Unity // *Myths and Nationhood* / G. Hosking, G. Schopflin, eds. London: Hurst & Company. Pp. 60–71.
20. Ismay, H. L. (1960) *The Memoirs of General the Lord Ismay.* London: Heinemann.
21. Ristevska, T. T. (2024) European Unity and security: from post-war integration to modern challenges in defense and governance // *Journal of Law and Politics.* Vol. 5, no. 2. Pp. 97–113. DOI: 10.69648/xpce7824 EDN: FRJVOJ
22. Todorova M. (2000) Does Russian Orientalism Have a Russian Soul? A Contribution to the Debate between Nathaniel Knight and Adeeb Khalid // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History.* Vol. 1, no. 4. Pp. 717–727.

Сведения об авторе:

Снигирев Богдан Алексеевич, студент 2-го курса бакалавриата, факультет мировой политики, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация; e-mail: snigirevb6@gmail.com

Научный руководитель: **Кусакин Даниил Всеволодович**, старший преподаватель кафедры международной безопасности, факультет мировой политики, Московский

государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация;
e-mail: dk@fmp.msu.ru

References

1. Artamoshin, S. V. (2002) The ideological origins of National Socialism. Bryansk: *BSU Publishing House*. 184 p. (In Russ.)
2. Akhtamzyan, A. A. (2010) The unification of Germany and its international and political consequences // *Lomonosov World Politics Journal*. No. 4. Pp. 3–26. (In Russ.)
3. Grosheva, G. V. (2014) German discourse on the past and the problem of the correlation of national and European identities of Germans (the second half of the twentieth – early twenty-first century) // *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. No. 3 (5). Pp. 57–67. (In Russ.)
4. Kosmach, V. A. (2015) “Humiliation at Versailles”: the results of the First World War for Germany // *Pskov Military Historical Bulletin*. No. 1. Pp. 155–167. (In Russ.)
5. Miller, A. I. (2006) The Romanov Empire and Nationalism: an essay on the methodology of History. research. Moscow: *New Literary Review*. 240 p. (In Russ.)
6. Miller, A. I. (2004) The Russian Empire in comparative perspective. Collection of articles. Moscow: *New Publishing House*. 384 p. (In Russ.)
7. Miller, A. I. (2008) The History of Empires and the Politics of Memory // *Russia in Global Affairs*. Vol. 6, no. 4. Pp. 118–134. (In Russ.)
8. Sipols, V. Ya. (1979) The diplomatic struggle on the eve of the Second World War. Moscow: *International Relations*. 320 p. (In Russ.)
9. Furtsev, R. V. (2016) Empire and territorial states of Germany of the early Modern period in the context of the formation of the European state system // *MCU Journal of Historical Studies*. No. 1 (21). Pp. 78–89. (In Russ.)
10. Hauer-Tyukarkina, O. M. (2016) The European Union as a political myth // *Russian Political Science*. No. 1. Pp. 124–136. (In Russ.)
11. Chubaryan, A. O. (1987) The European idea in history. The problem of war and peace. Moscow: *International Relations Publishing House*. 352 p. (In Russ.)
12. Chubaryan, A. O. (2006) Russian Europeanism. Moscow: *OLMA Media Group*. 416 p. (In Russ.)
13. Schuman R. (2002) For Europe = Pour L’Europe / [translated from French by V. Bozhovich]. Moscow: *Moscow School of Political Studies*. 95 p.
14. Anderson, B. (1983) Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London: *Verso*.
15. Churchill, W. S. (1973) Great Contemporaries. Chicago; London: *University of Chicago Press*.
16. Kissinger, H. (1994) Diplomacy. New York: *Simon & Schuster*.
17. Marcellino, C., Hooghe, M., & De Sio, L. (2026). The Role of EU Policies in Shaping EU Support: A Cross-Sectional and Longitudinal Analysis of Policy Congruence and Public Attitudes in the European Union.
18. Nolte, E. (1987) Der europäische Bürgerkrieg 1917–1945. Nationalsozialismus und Bolschewismus. Frankfurt a. M.: *Propyläen*.
19. Puntcher Riekmann, S. (1997) The Myth of European Unity // Myths and Nationhood / G. Hosking, G. Schopflin, eds. London: *Hurst & Company*. Pp. 60–71.
20. Ismay, H. L. (1960) The Memoirs of General the Lord Ismay. London: *Heinemann*.

21. Ristevska, T. T. (2024) European Unity and security: from post-war integration to modern challenges in defense and governance // *Journal of Law and Politics*. Vol. 5, no. 2. Pp. 97–113.
22. Todorova, M. (2000) Does Russian Orientalism Have a Russian Soul? A Contribution to the Debate between Nathaniel Knight and Adeeb Khalid // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 1, no. 4. Pp. 717–727.

About the author:

Bogdan A. Snigirev, BA student, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; e-mail: snigirevb6@gmail.com

Academic Supervisor: Daniil V. Kusakin, Senior Lecturer of the Department of International Security, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; e-mail: kdk@fmp.msu.ru